

САРАТОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при Сарат. Духовной Семинаріи, въ Сарат. Дух. Консисторіи и въ типогр. И. С. Кувардина и К^о.

Цѣна за годовое изданіе 5 рублей съ пересылкою. Объявленія принимаются въ конторѣ типографіи И. С. Кувардина и К^о.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ

СОДЕРЖАНІЕ: Награды по Епарх. Вѣдомству. — Извѣстія. — Пожертвованія. — Объявленіе.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна, въ Бозѣ опочила 22-го сего мая, въ восьмомъ часу утра.

НАГРАДЫ ПО ЕПАРХІАЛЬНОМУ ВѢДОМСТВУ

Указомъ Святейшаго Правительствующаго Синода, отъ 25-го минувшаго апрѣля за № 1460, послѣдовавшимъ на имя Его Преосвященства, сообщено, что нижепоименованныя лица за заслуги по духовному вѣдомству удостоены: 1) возведенія въ санъ протоіерея — Саратовскаго уѣзда, Мариинской колоніи, священникъ Александръ *Розинъ*, и Камышинскаго у., села Костарева священникъ Игнатій *Митякинъ*; 2) благословенія Святейшаго Синода съ грамотами — Аткарскаго уѣзда, слободы Баланды, діаконы Стефанъ *Касаткинъ*, Сердобскаго уѣзда, села Свищевки діаконы Іоаннъ *Владыкинъ*, Сердобскаго уѣзда, села Юшина діаконы Михаилъ Цареградскій, Саратовскаго уѣзда, села Старыхъ Вурасъ и. д. псаломщика Михаилъ *Соловьевъ*, Аткарскаго уѣзда, села Матышева сверхштатный дячекъ Александръ *Пелопидовъ*, и безъ грамотъ — Балашовскаго уѣзда, с. Барковъ священникъ Савва *Дяконовъ*, Сердобскаго уѣзда, села Власовки священникъ Іоаннъ *Смирновъ*, Сердобскаго уѣзда, села Елани священникъ Гермогенъ *Дивногорскій*, Сердобскаго уѣзда, села Крутца священникъ Тимофей *Спаллигеровъ*, Хвалынскаго уѣзда, села Старой Яблонки священникъ Іоаннъ *Соловьевъ*, Петровскаго уѣзда, села Кожина священникъ Іоаннъ *Соловьевъ*, Петровскаго уѣзда, села Мордовской Норки священникъ Іоаннъ *Магницкій*, Петровскаго уѣз-

да, села Бузовлева священникъ Павелъ *Каменскій*, Петровскаго уѣзда, села Назимкина священникъ Дмитрій *Ястребовъ*, того же уѣзда села Сердобы священникъ Матвѣй *Смирновъ*, г. Саратова Покровской Единовѣрческой церкви діаконы Іоаннъ *Рахмискій*, начальника Дубовской женской общины монахиня *Виталия* и Саратовскаго уѣзда, села Дорофьевки и. д. псаломщика Андрей *Фрауевъ*.

ИЗВѢСТІЯ.

Праздныя мѣста: священническія, въ с.с.: Покурлеяхъ Хвал. у.; — Ульяновкѣ Кузн. у.; — Горюшахъ Хвал. у.; — Червленоразномъ Цариц. у.; — Камаровкѣ Серд. у.; — Барнуковкѣ Вольск. у.; — Поповкѣ Саратов. у.; — Вазовомъ-Ключѣ Вольск. у.; — Малыхъ-Озеркахъ Саратов. у.; — Дануховкѣ Вол. у., — Орловкѣ Царицынск. у., — Широкомъ-Буеракѣ Хвалын. у. и Станицѣ Александровской Цариц. уѣзда.

— Псаломщицкія, въ с.с.: Малиновкѣ Бал. у.; — Царевщинѣ Вольскаго у.; — Красномъ-Колѣвѣ Балашовск. у.; — Михайловкѣ Балашовскаго у.; — Ольшанкѣ Балашовскаго у.; при Балашовской соборной церкви, Аркадакѣ Бал. у., — Старой Сосновкѣ Аتك. у. и Инясевѣ Бал. у.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Священникъ слободы Котовой, Камышинскаго у., Іоаннъ *Смирновъ* пожертвовалъ въ пользу Саратовскаго епархіальнаго дѣтскаго пріюта двадцать пять рублей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ совѣта Саратовскаго епархіальнаго женскаго училища.

Въ Саратовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ имѣется вакантное мѣсто преподавателя географіи. Желашіе занять эту должность приглашаются подать въ совѣтъ училища заявленіе объ этомъ не позже 1-го августа сего года, съ приложеніемъ надлежащихъ документовъ.

САРАТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

СОДЕРЖАНІЕ: Нѣсколько словъ о духовномъ образованіи (*продолженіе*).—По поводу годовыхъ отчетовъ о состояніи Епархіальныхъ женскихъ училищъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи за истекшій 18⁷⁸/79 учебный годъ (*продолженіе*).—Объявленіе.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДУХОВНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

*Продолженіе *).*

Въ предшествовавшей нашей статьѣ мы остановили свое вниманіе на томъ, довольно печальномъ обстоятельстве, что не смотря на всѣ мѣры, предпринимаемыя со стороны правительства къ улучшенію духовныхъ школъ и привлеченію въ нихъ лучшихъ силъ, могущихъ впослѣдствіи послужить съ пользою церкви, эти школы доселѣ наполняются такими лицами, которыми иначе рѣшительно негдѣ было бы получить образованія, лицами, идущими въ нихъ по необходимости. Остальные сословія рѣшительно игнорируютъ духовныя школы и стараются обходить ихъ — и даже само духовенство, какъ скоро представляется къ тому возможность, съ большею охотою отдаетъ своихъ дѣтей въ школы свѣтскія. Самое образованіе, получаемое въ Духовной Семинаріи, со стороны свѣтскаго общества, считается далеко уступающимъ тому, какое получается въ правительственныхъ гимназіяхъ, а поэтому и духовный воспитанникъ, желающій обончить свое образованіе въ высшей свѣтской школѣ, подвергается при вступленіи въ послѣднюю самому строжайшему испытанію и провѣркѣ своихъ свѣдѣній, какихъ далеко не приходится испытывать гимназисту. Причины такого грустнаго явленія довольно сложны и разнообразны. Обыкновенно главною изъ этихъ причинъ считаютъ то раздѣленіе между церковію и обществомъ, которое образовалось со времени еще Петра Великаго, когда свѣтское общество, будто бы не встрѣтивъ себѣ должнаго сочувствія и поддержки со стороны церкви, совсѣмъ перестало совѣтоваться съ послѣднею и пошло своей дорогою. Вслѣдствіе этого, духовное сословіе стало жить само по себѣ, общество само по себѣ, то и другое мало интересовались другъ другомъ. Духовенство ограничило кругъ своего вліянія самыми необходимыми оффиціальными отношеніями къ паствѣ, какъ напр. требоисправленіемъ; а тяжелая матеріальная зависимость отъ паствы создала въ этомъ сословіи приниженность

забитость, въ отношеніяхъ же общества къ нему высокомеріе и полупрезрительное обращеніе. Что удивительнаго, если среди такихъ условій создались въ свѣтскомъ обществѣ взглядъ на духовныхъ лицъ, какъ на лицъ невѣжественныхъ, отсталыхъ, одною только ступенью возвышающихся надъ крестьяниномъ. Отсюда и духовныя школы не могли возбуждать къ себѣ особеннаго довѣрія и сочувствія, и представлялись, какъ и доселѣ представляются школами спеціальными, кастовыми, не дающими образованія общаго, не содѣйствующими развитію широты взгляда и пониманія общественныхъ интересовъ. Что же могло, поэтому, заставить представителей иныхъ сословій отдавать своихъ дѣтей въ подобныя школы? Несмотря на замѣтно измѣнившійся къ лучшему за послѣдніе десять лѣтъ видъ духовной школы, не смотря на стремленіе сблизить, если не совсѣмъ отождествить, духовное образованіе съ общимъ, предполагаемое сближеніе общества и духовнаго сословія совершается чрезвычайно медленно и туго; и еще много, много времени надлежитъ пройти, чтобы разсѣялась эта масса предразсудковъ, существующихъ въ обществѣ относительно духовнаго образованія. Понятно, что и сами духовные воспитанники, вслѣдствіе такого недовѣрчиваго отношенія общества къ духовному образованію, мало по малу стали сомнѣваться въ его пригодности, жизненности, практичности, и, по мѣрѣ возможности, стали совсѣмъ уклоняться отъ него. Нѣтъ ничего тяжелѣе и обиднѣе, какъ людямъ способнымъ, даровитымъ, отзывчивымъ на всякое общественное движеніе и стрѣмившимся приложить свои свѣжія силы къ общему дѣлу видѣть на каждомъ шагу холодность и пренебреженіе за то только, что они имѣютъ несчастье происходить изъ этого, а не изъ другаго сословія. Невольно явится желаніе, скорѣе разорвать связи съ своимъ роднымъ сословіемъ, уйти изъ него, уничтожить въ себѣ всякій слѣдъ, который бы обнаруживалъ родство съ нимъ. Этимъ, говорятъ, объясняется и тотъ чрезвычайно рѣзко обнаруживавшійся отливъ молодыхъ лучшихъ силъ изъ об-

пеобразовательныхъ классовъ Семинаріи для поступленія въ университетъ, — отливъ, которому недавно, впрочемъ, положена преграда стѣснительнымъ закономъ о экзаменѣ зрѣлости. Такъ принято у насъ обыкновенно понимать причину общаго нерасположенія къ духовному образованію, какъ со стороны свѣтскаго общества, такъ и со стороны самаго духовнаго сословія. Нельзя не согласиться, что эта причина дѣйствительно вѣрная, но еще не вполне объясняющая дѣло. На основаніи ея можно утверждать только то, что правильному взгляду общества въ этомъ случаѣ препятствуетъ масса предразсудковъ, сложившихся вѣками, въ силу неблагоприятныхъ историческихъ условій. Была же когда то причина разъединившая церковь и общество, а теперь хотя этой причины дѣйствительно нѣтъ, хотя церковь дѣйствительно сочувствуетъ вѣжамъ истинно прогрессивнымъ и лучшимъ движеніямъ общества, разобщеніе все-таки остается по привычкѣ, по преданію. Положимъ, что все это такъ. Но тѣмъ не менѣе вопросъ объ уничтоженіи этихъ традиціонныхъ предразсудковъ, о пробужденіи интереса къ тому, что теперь со стороны всѣхъ встрѣчается убійственнымъ равнодушіемъ и индифферентизмомъ по прежнему остается неразрѣшеннымъ. Правда, предразсудки часто служатъ тормозомъ къ образованію правильнаго взгляда на предметъ, но никогда не могутъ имѣть такой несокрушимой силы, которая бы не уступила дѣйствительности и факту. Чѣмъ упорнѣе и настойчивѣе держится кокой либо предразсудокъ, тѣмъ менѣе значитъ встрѣчаетъ онъ для себя противодѣйствія со стороны дѣйствительности, которая съ своей стороны мало даетъ средствъ къ разоблаченію его несостоятельности. Въ приложеніи къ нашему вопросу указанное сужденіе должно имѣть слѣдующее значеніе: если главною задачею и цѣлію духовнаго образованія должно быть не что иное, какъ раскрытіе предъ вѣми внутренняго неистощимаго богатства христіанскаго ученія, обнаруженіе его вѣчной красоты и неопбѣдимой силы; то правильное и нормальное исполненіе указанной миссіи должно вести къ тому, что во всякомъ человѣкѣ, стоящемъ подъ исключительнымъ или преимущественнымъ вліяніемъ этого образованія, неизбѣжно будетъ развиваться любовь къ изслѣдованію христіанской доктрины и послѣднее дѣло мало по малу сдѣлается для него предметомъ нравственной необходимости. Но если великія истины Христіанства остаются предметомъ невозбуждающимъ къ себѣ живаго сочувствія и интереса, если ихъ изучаютъ только по

обязанности и необходимости; то это вѣрный признакъ того, что сами учителя религіи усвоили себѣ эти истины только однимъ умомъ, такъ что послѣднія не входятъ въ глубь души, а остаются только на поверхности ея. Очевидно, что и слово ихъ неспособно пробудить въ другихъ того священнаго жара и одушевленія, какой вообще способно пробуждать слово, проникнутое убѣжденіемъ, въ которомъ слышится не одинъ холодный разсудокъ, но вся душа. И такъ, не отвергая въ дѣлѣ образованія неблагоприятныхъ взглядовъ на духовное просвѣщеніе нѣкоторыхъ историческихъ условій и отношеній, сложившихся вѣками, мы, однако, главную причину этихъ взглядовъ полагаемъ въ недостаткахъ самой богословской науки, — недостаткахъ задерживающихъ ея правильное развитіе и отнимающихъ значительную долю интереса къ занятію богословіемъ вообще. И самый главный недостатокъ въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, составляетъ исключительное служеніе формальной сторонѣ дѣла, которое получивъ силу съ давнихъ поръ, не прекращается въ томъ или другомъ видѣ до настоящаго дня. Увлеченіе формализмомъ вездѣ одинаково вредно вліяетъ на дѣло, но едва ли гдѣ нибудь такъ осязательно сказывается этотъ вредъ, какъ въ данномъ пунктѣ. Задача формы вносить порядокъ, систему и стройность въ массу необработаннаго матеріала и дѣлать послѣдній удобнымъ для усвоенія, но безъ нужды прибѣгать къ формѣ и все значеніе полагать только въ ней, значило бы занею намеренно преграждать свободу человеческой мысли и препятствовать ея правильному развитію. Точно также и въ дѣлѣ духовно-нравственнаго просвѣщенія. Основатель христіанства, характеризуя свое ученіе выразился такъ: „Слова, которые я вамъ говорю, суть духъ и жизнь.“ (Іоан. 6, 63). Никто изъ насъ конечно не станетъ сомнѣваться въ истинности этихъ словъ. Но отчего тѣ же самыя слова Іисуса Христа и его учениковъ, повторяемыя теперь представителями церкви, не имѣютъ для слушающихъ ихъ такого жизненнаго значенія, какое имѣли они прежде. Неужели это значитъ, что они отжили, потеряли свое значеніе. Нѣтъ, это значитъ только то, что они, будучи усвоены внѣшнимъ формальнымъ образомъ, не вошли въ ближайшее соприкосновеніе съ внутреннимъ личнымъ міровоззрѣніемъ и кругозоромъ человѣка, не сдѣлались по выраженію апостола судьями его сокровенныхъ помышленій, не проникли до раздѣленія души и духа (Евр. 4, 12). Для того, чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ

именно проявляется это нежелательное формальное отношение въ дѣлѣ занятія богословіемъ, обратимся къ дѣйствительности. Здѣсь прежде всего посмотримъ, какія требованія обыкновенно представляются лицу, претендующему на званіе православнаго богослова. По общепринятому и укоренившемуся представленію, православный богословъ—человѣкъ основательно знающій св. писаніе и св. преданіе—первоисточники откровенія. Это основательное знакомство должно состоять по возможности въ строгомъ и отчетливомъ знаніи всей Библии, при чемъ довольно многія мѣста изъ нея должны быть извѣстны даже на память. Чѣмъ больше чѣловѣкъ знаетъ наизусть изъ Библии, тѣмъ болѣе чести для него. Что касается св. Преданія, то знакомство съ нимъ должно состоять въ обширной богословекой начитанности, въ знакомствѣ съ святоотеческими твореніями; при этомъ опять таки немаловажную роль играетъ количество прочитаннаго и знаніе наизусть важнѣйшихъ символовъ, соборныхъ опредѣленій канонѣвъ и т. п. Говоря такъ мы нисколько ни выходимъ изъ рамокъ дѣйствительности. Напротивъ того и современная постановка богословской науки въ духовныхъ семинаріяхъ направлена къ тому, чтобы изучающій ее зналъ какъ можно болѣе изъ Библии и церковнаго преданія. Съ этою пѣлію ему вмѣняется въ неотложную обязанность прочесть всю Библию съ первой страницы до послѣдней; при этомъ онъ долженъ запомнить содержаніе не только каждой въ отдѣльности св. книги, но и каждой главы изъ нея; кромѣ того онъ долженъ истолковать для себя всѣ темныя и непонятныя мѣста изъ нея подъ руководствомъ уже существующихъ святоотеческихъ толкованій. Равнымъ образомъ при изученіи догматовъ вѣры онъ долженъ знать какъ можно болѣе свидѣтельство откровенія въ подтвержденіи той или другой догматической истины. Повидимому всѣ эти требованія какъ нельзя болѣе законны и необходимы. Что необходимѣе для чѣловѣка желающаго быть проповѣдникомъ откровенія, какъ не знакомство съ первоисточниками откровенія во всѣхъ ихъ видахъ? Но не слѣдовало бы при этомъ упускать изъ вниманія того простаго обстоятельства, что чѣмъ болѣе чѣловѣкъ воспринимаетъ познавательнаго матеріала, тѣмъ болѣе для него опасности оставить этотъ матеріалъ въ непереработанномъ, — сыромъ видѣ, не сдѣлать изъ него должнаго пракческаго примѣненія, такъ что онъ только безъ нужды будетъ тяготить его начять и не окажетъ замѣтнаго вліянія на образованіе

опредѣленнаго міровоззрѣнія. И нигдѣ эта аксіома не имѣетъ такого близкаго приложенія, какъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія богословскихъ свѣдѣній. Истины откровенія образуютъ изъ себя строго опредѣленную систему, которая для того, чтобы быть основательно понятою и усвоенною, требуетъ довольно напряженной работы мысли. Поэтому, здѣсь всего менѣе можно ограничиваться только простымъ формальнымъ усвоеніемъ этихъ истинъ, но, напротивъ того, слѣдуетъ долго трудиться надъ прививкою ихъ, такъ сказать, къ чѣловѣческому сознанію. Здѣсь не то имѣетъ значеніе, насколько полно усвоитъ себѣ чѣловѣкъ содержаніе откровенія, но—какъ онъ его усвоитъ. Иногда одна строка изъ Евангелія способна дать довольно трудный урокъ для усвоенія; но, правильно объяснивъ для себя одну какую либо истину откровенія и пронюхавъшия ею, чѣловѣкъ, въ силу тѣсной связи существующей между всеми истинами откровенія, будетъ въ состояніи понять и все остальное. Въ настоящее время у насъ ставятъ какъ самый лучшій образецъ для подражанія древне-отеческія творенія. Но, внимательнѣе вематриваясь въ нихъ, мы видимъ, что они суть не что иное какъ блестящій результатъ совокупной дѣятельности разума просвѣщеннаго вѣрою и вѣры въ собственномъ смыслѣ слова разумной, суть слѣдствіе пріобрѣтеннаго ранѣе навыка углубляться мыслию въ истины откровенія и открывать въ нихъ новыя и новыя стороны незамѣтныя для поверхностнаго взора. Такимъ образомъ въ дѣлѣ богословскаго образованія, по нашему мнѣнію, какъ одно изъ важныхъ условій должно стоять развитіе способности аналитической, способности религіознаго философствованія. Только при этомъ условіи можетъ пробудиться интересъ и энергія къ занятію религіозно-нравственными вопросами; отыскивая въ своемъ разумѣ основанія для принятія той или другой истины, подмѣчалъ соотвѣтствія между положеніями религіозными и основными общепризнанными законами чѣловѣческаго духа, чѣловѣкъ мало по малу выработываетъ себѣ твердость убѣжденій и серьезность мысли, и нисколько не будетъ тяготиться ни трудностію, ни отвлеченностію тѣхъ предметовъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло. Но едвали все это достижимо при дѣйствительно существующей постановкѣ дѣла. Стремясь главнымъ образомъ къ тому, чтобы удержать въ памяти содержаніе каждой страницы изъ Библии, объемъ которой, какъ извѣстно, довольно великъ и познакомиться со всѣмъ, что было когда либо написано выдающагося въ

области отеческой литературы, человекъ почти не имѣетъ времени къ тому, чтобы выразумѣть смыслъ многаго изъ усвояемаго имъ. Отъ этого очень многое будетъ только скользить по его сознанію, ни сколько не колебля и не возбуждая въ немъ должныхъ мыслей и чувства; многія стороны предмета пройдутъ незамѣченными, ко многому важному и существенному человекъ отнесется холодно и равнодушно. Но подобно тому какъ достоинства и совершенства высокохудожественнаго произведенія обнаруживаются предъ зрителемъ по мѣрѣ того, какъ онъ вглядывается въ него и изучаетъ, точно также и вѣчная красота откровенной истины открывается по мѣрѣ углубленія въ нее. Но не дайте зрителю останавливаться по долгу у одной и той же картины, вмѣсто этого переводите его поспѣшно отъ одного произведенія къ другому, и бы этимъ только притупите его способность анализа и воспріятія, такъ что онъ въ концѣ концовъ станетъ равнодушно и холодно проходить мимо того, что въ другомъ лицѣ, обладающемъ острымъ художническимъ чутьемъ, способно возбуждать восторгъ. Но не подобное ли этому происходитъ и въ дѣлѣ духовнаго образованія, гдѣ учащійся принужденъ бываетъ буквально перебѣгать отъ одной св. книги къ другой, отъ одного текста и свидѣтельства къ другому, не давая себѣ времени вдуматься во все это и такъ сказать ассимилировать усвояемое съ своимъ внутреннимъ сознаніемъ.

Въ концѣ концовъ оказывается, что ему и приходится имѣть дѣло только съ готовыми отвлеченными положеніями, на которыя онъ во всякое время можетъ привести массу внѣшнихъ свидѣтельствъ, но не способенъ отнестись къ нимъ самобытно и испытать на нихъ силу своего анализа. Удивительно ли послѣ этого, что и самый трудъ простаго формальнаго усвоенія безъ примѣси своего собственного сужденія наконецъ начинаетъ обнаруживать свою сухость и безжизненность, благодаря которымъ и утомляется самая дѣятельная и энергичная натура. Многозначительныя рѣчи Спасителя и Его учениковъ, которыми пользуются, какъ статьями закона, въ защиту того или другаго положенія, отъ частаго повторенія ихъ, при томъ совершающагося болѣе механически, теряютъ свою силу и убѣдительность и не останавливаютъ на себѣ вниманія со стороны слушающихъ ихъ. Въ многочисленныхъ свидѣтельствахъ преданія начинаютъ видѣть повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей только въ различныхъ выраженіяхъ; въ изложеніи правилъ христіанской нрав-

ственности—не болѣе какъ сборникъ азбучныхъ сентенцій, которыя довольно странно было бы трудиться доказывать, такъ какъ въ нихъ и безъ того никто не сомнѣвается. Такимъ то образомъ мало по малу складывается общее воззрѣніе на богословіе, какъ на область положеній готовыхъ, законченныхъ, неирокосновенныхъ, съ которыми человекъ нечего дѣлать, какъ только разъ на всегда удержавъ ихъ въ своей памяти въ полной совокупности. Естественно по этому, что молодые интеллигентныя силы не особенно дружелюбно встрѣчаютъ ту науку, о которой они заранѣе знаютъ, что она на каждомъ шагу будетъ ставить преграды ихъ пытливости, а иногда даже прежде всякаго знакомства съ нею называютъ ее схоластикой ни для кого и ни для чего не пригодной.

И такъ, помимо общественныхъ и социальныхъ условий, въ которыхъ стоятъ духовныя школы, главная причина, почему онѣ, не смотря, повидимому, на льготы и преимущества данныя имъ отъ правительства, не пользуются особеннымъ расположеніемъ со стороны лицъ, даже принадлежащихъ къ духовному сословію, — состоитъ въ общей постановкѣ духовнаго образованія, которое, надѣлая воспитанника массою свѣдѣній, и менѣе обращаетъ вниманія на то, чтобы эти послѣднія были вполнѣ и надлежаще опѣнены и приняты не однимъ разсудкомъ, но всею душою и выражались и отражались въ самостоятельныхъ и своеобразныхъ произведеніяхъ соответственно личнымъ особенностямъ каждаго. По правдѣ сказать послѣднее обстоятельство у насъ и не считается дѣломъ первостепенной важности. Напротивъ того даже и теперь нѣтъ недостатка въ такихъ учителяхъ богословія, которые, строго ревнуя о томъ, чтобы въ произведеніяхъ юныхъ начинающихъ богослововъ все было сообразно съ духомъ православной церкви, требуютъ, чтобы и по внѣшней формѣ, эти произведенія были если не вполнѣ сходны, то по крайней мѣрѣ приближались къ произведеніямъ богослововъ уже ранѣе авторизованныхъ, и слишкомъ недовѣрчиво относятся даже къ отдѣльному оригинальному выраженію, видя въ этомъ проявленіе неологизма и рационализма. Не особенно задолго до настоящаго времени это недовѣріе ко всему самостоятельному въ области богословія проявлялось еще сильнѣе. Въ доказательство этого стоитъ сослаться на тотъ фактъ, что даже такія строго православныя произведенія какъ проповѣди знаменитаго Русскаго витія преев. Иннокентія Херсонскаго подвергались нареканію, и при томъ со стороны

видныхъ представителей Русской церковной іерархіи въ несоотвѣтствіи ихъ съ духомъ церковнаго учительства.

Но что всего хуже это то, что недоувѣріе къ богословствующей мысли и стѣснительная опека надъ нею продолжается не только въ стѣнахъ школы, но и выходитъ изъ нея,—по вступленіи на поприще открытаго служенія церкви. Обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что одна изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ обязанностей пастыря—дѣло церковнаго учительства, подчинено довольно стѣснительной предварительной цензурѣ, такъ что, собственно говоря, по буквѣ закона священникъ и не имѣетъ права сказать что либо съ церковной кафедры не написавъ этого предварительно и не представивъ написаннаго по начальству. Но не слишкомъ ли далеко простирается въ этомъ случаѣ осторожность духовной власти. Не обнаруживаетъ ли она въ этомъ случаѣ обиднаго недоувѣрія къ дѣятельности пастырской—недоувѣрія парализующаго въ самомъ корнѣ стремленіе послужить церкви. Постѣ этого едва ли страннымъ покажется то обстоятельство, что въ нашихъ церквахъ до сихъ поръ не слышится живаго слова, что пастыри считаютъ дѣломъ довольно тяжелымъ и обременительнымъ бесѣдовать съ паствою о предметахъ вѣры. На самомъ дѣлѣ довольно тяжело каждую свою бесѣду писать по вѣсьмъ правиламъ церковнаго краснорѣчія, тщательно выправлять и подвергать вѣсьмъ случайностямъ цензуры. Но развѣ Златоустъ, Василій Великій и др. церковныя свѣтила, которыхъ особенно любятъ ставить намъ въ образецъ, говорили свои возвышенныя проповѣди всегда по написанному ранѣе? Развѣ не были наилучшія изъ ихъ словъ не болѣе какъ вдохновенными импровизаціями? И исторія церковная ничего не говоритъ намъ о предварительной цензурѣ, которой бы подвергались произведенія проповѣдниковъ въ древнія времена. Вѣрнѣе думать что единственнымъ цензоромъ было общее наблюденіе церкви вселенской, которая всегда заблаговременно замѣчала не православныхъ проповѣдниковъ и останавливала ихъ вліяніе.

Общимъ результатомъ всего этого бываетъ то, что пастыри еще въ періодъ своего школьнаго образованія встрѣчавшіе крайнее недоувѣріе ко всякому проявленію самостоятельной мысли, даже въ законныхъ предѣлахъ этой самостоятельности, обреченные и въ послѣдствіи на крайнее стѣсненіе въ области учительства и проповѣданія, мало по малу совершенно замолкаютъ, или говорятъ только—когда этого отъ нихъ требуютъ офици-

ціально, и естественно, что требуемая проповѣдь не будетъ жизненна, не произведетъ желаннаго впечатлѣнія на слушателей. Постоянное молчаніе производитъ то, что вообще заглушается способность критическаго отношенія къ дѣйствительности и обсужденія ея явлений, является робость, неуувѣренность въ себѣ, апатичность и т. под. Указанныя неблагопріятныя явленія, конечно, болѣе или менѣе живо ощущаются вѣсьми принадлежащими къ духовному сословію, развивая чувство болѣзненнаго недовольства своимъ положеніемъ. Знаетъ и чувствуетъ это и подрастающее молодое поколѣніе дѣтей духовенства и у него заранѣе является предубѣжденіе противъ своего званія, создается представленіе о немъ, какъ о такомъ сословіи, въ которомъ гонятъ и преслѣдуютъ всякую живую мысль и нетерпимо относятся ко всякому прогрессивному движенію. Эти предубѣжденія увеличиваются благодаря вліяніямъ со стороны свѣтскаго общества, которое, какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, имѣетъ свои причины неблагопріятно относиться къ духовному сословію. Естественнымъ становится отсюда, что наши семинаріи годъ отъ году рѣдѣютъ числомъ учащихся, что туда не манитъ ни сравнительная дешевизна, съ которою можно получить образованіе, ни другія льготы. Замѣтимъ при этомъ, что этотъ отливъ лучшихъ силъ никогда такъ рѣзко не обнаруживался, какъ именно въ послѣдніи 10 лѣтъ, когда духовныя школы выступили на новую дорогу, когда ихъ внѣшній и внутренній строй улучшился. Не указываетъ ли это намъ на то, что недостатки старой школы въ другой формѣ могли перейти и въ преобразованную школу и по этому вѣсьмъ усилія должны быть направлены, чтобы не дать имъ развиваться. Внѣшнія, искусственныя мѣры не способны создать свободнаго влеченія къ такой наукѣ, каково богословіе. Послѣднее само изъ себя должно представить притягательную силу неуклонно влекущую къ себѣ, не только присяжныхъ, каковы напр. дѣти духовенства, но и совершенно стороннихъ слушателей, и мы увѣрены, что духовная наука въ состояніи достигнуть этого, не смотря даже на вѣсьмъ неблагопріятныя обстоятельства, каковы напр. общественныя предрасудки, которые сами собою падаютъ предъ дѣйствительностію. Если даже такія теоріи, какъ теоріи новѣйшихъ социалистовъ обладаютъ силою притяженія къ себѣ молодыхъ умовъ,—силою, которая основывается очевидно на наружной только красотѣ и благовидности ихъ; то неужели этого свойства не можетъ имѣть теорія, не по наружности, но

въ самомъ существѣ дѣла прекрасная и сообразная съ основными законами человѣческаго существа? Всѣ усилія слѣд. должны быть со стороны духовныхъ учителей направлены именно къ тому, чтобы научить цѣнить истину и дорожить ею, чтобы истина говорила не одному уму, но и сердцу. На достиженіи этой цѣли, по нашему мнѣнію, и должно сосредоточиться современное духовное просвѣщеніе, а не на приобрѣтеніи громадной начитанности и эрудиціи, хотя и послѣднее несомнѣнно имѣетъ большую важность. Нѣтъ нужды особенно подробно распространяться о томъ, какъ именно можетъ быть выполняема подобная задача. Одно только несомнѣнно вѣрно, что никто такъ хорошо не можетъ убѣждать, какъ кто самъ искренно убѣжденъ, и дѣйствовать властно надъ мыслию другихъ, какъ самъ проникнутый до глубины души какою либо мыслию. Выводъ отсюда по отношенію къ духовнымъ учителямъ и просвѣтителямъ очевиденъ и понятенъ самъ собою.

По поводу годовыхъ отчетовъ о состояніи епархіальныхъ женскихъ училищъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 187⁸/₉ учебный годъ.

*(Продолженіе *).*

Женскія епархіальныя училища по уставу и по программѣ предметовъ преподаванія относятся къ среднимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ. Общая и основная цѣль ихъ, по отчету г-на Оберъ-Прокурора Свят. Синода, „воспитать дочерей духовенства въ твердомъ религіозно-нравственномъ направленіи при достаточномъ умственномъ образованіи“; а затѣмъ болѣе частная, прикладная цѣль **) воспитать достойныхъ женъ пастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспитать учительницъ, какъ домашнихъ, такъ городскихъ и сельскихъ. Эти цѣли конечно достигаются извѣстнымъ строемъ учебно-воспитательной части заведенія, а строй его въ полной зависимости стоитъ отъ дѣйствующаго въ немъ устава. Изъ обзрѣнія отчетовъ епархіальныхъ училищъ обазывается, что одни училища совсѣмъ уже преобразованы по уставу епархіальн. училища Высочайше утвержденному 20-го сентября 1868 г., наприм. Одесское, Кавказское, Екатеринославское, Полтавское, Вятское, Саратовское, Орловское, Кишиневское и др.; другія же не преобразованы, состоятъ изъ трехъ классовъ съ двухъ-голичнымъ курсомъ въ

каждомъ, но живутъ по тому же новому уставу, — каковы напр. Петербургское, Подольское, (Тульчинское), Пермское, (Кушурское), Тамбовское и пр. Нѣкоторыя изъ таковыхъ находятся въ состояніи перехода изъ трехъ-классныхъ въ шестиклассныя съ годичнымъ курсомъ въ классѣ, какъ напр. Пензенское, Самарское и др.; а остальные еще не сформировались въ полное епарх. училище, дающее какое-либо право по образованію и состоятъ частію изъ двухъ только классовъ, каковы вышеупомянутыя два Курскія и другія, частію изъ трехъ классовъ по одному году въ классѣ и служатъ подготовительными къ поступленію въ гимназіи или въ 4-й классъ епархіальнаго училища, таковы три училища Полтавскія: а) при Велико-Будищенскомъ женскомъ монастырѣ; б) при Золотоношскомъ, Иоанно-Богословскомъ женскомъ монастырѣ, и в) при Ладинскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ *). По отчету г-на Оберъ-Прокурора Свят. Синода, училищъ, находящихся собственно подъ вѣдомствомъ духовенства и пользующихся покровительствомъ Высочайшихъ Особъ, и какимъ либо пособіемъ отъ казны, за отчетный 1878 годъ было всѣхъ 28, устроенныхъ по новому 1868 г. уставу, изъ коихъ 13 имѣли полное число классовъ въ количествѣ 6-ти съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, остальные же 15 изъ 28-ми находились или въ состояніи перехода въ шестиклассныя, или совсѣмъ еще не реформировались, состоя изъ трехъ классовъ съ двухголичнымъ курсомъ въ каждомъ, но всетаки руководились новымъ уставомъ, а потому воспитанницы по окончаніи курса въ нихъ получали права по образованію, предоставленны имъ новымъ уставомъ, XVI-ю его главою, § 111. Пять училищъ въ числѣ всѣхъ 45, означенныхъ въ отчетѣ Оберъ-Прокурора, подходили подъ категорію тѣхъ училищъ, которыя не руководились новымъ уставомъ, а слѣдовательно и не пользовались предоставленными имъ правами.

Въ указѣ Свят. Синода отъ 14-го мая 1872 г. за № 25 между прочимъ говорится такъ: чтобы не отнимать у духовныхъ лицъ возможности къ посильному образованію ихъ дочерей, предоставить духовенству существующія женскія, духовныя училища въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ не оказывается средствъ къ преобразованію этихъ заведеній по Высочайше утвержденному 20-го сентября 1868 г. уставу Е. Ж. У., оставить на прежнихъ основаніяхъ безъ предоставленія имъ правъ по новому уставу впредь до присканія средствъ къ полно-

*) См. № 19-й „Сарат. Епарх. Вѣдом.“

***) Русскій Курьеръ 1880 г. № 53-й; „Уставъ училища дѣвицъ духовнаго званія“, Высочайше утвержденнаго 15-го августа 1843 года.

*) Полтавскія Епарх. Вѣдом. 1879 г. № 3-й.

му ихъ преобразованію. „Всѣ вновь учреждаемыя духовныя женскія училища съ сокращеніемъ приложенныхъ къ Высочайше утвержденному уставу программъ и уменьшеніемъ предполагаемыхъ по штату окладовъ—допускать только какъ частныя учрежденія духовенства, безъ присвоенія имъ правъ, указанныхъ въ XVI-й главѣ устава Е. Ж. У.“. „Допускать преобразование существующихъ уже женскихъ духовныхъ училищъ въ шестиклассныя или трехклассныя епарх. женскія училища, съ предоставленіемъ онимъ правъ, указанныхъ XVI-ю главою устава только тамъ, гдѣ имѣются надлежащія средства для *примѣненія утвержденныхъ Свят. Синодомъ программъ* преподаванія и проектированнаго Учебнымъ Комитетомъ *штата*“. „При составленіи Учебнымъ Комитетомъ штата для женскихъ духовныхъ училищъ, говорится въ томъ же указѣ, имѣлось въ виду, по возможности, привлечь къ дѣятельности въ епархіал. женскихъ училищахъ такія лица, которыя по образованію своему соответствовали бы предполагаемымъ въ этихъ училищахъ цѣлямъ“. Такимъ образомъ указанныя цѣли въ епархіальныхъ училищахъ въ своемъ осуществленіи тѣсно связаны съ выполненіемъ программъ, одобренныхъ Свят. Синодомъ и со введеніемъ штата служащихъ лицъ, имѣющихъ „по возможности“ высшій цензъ по образованію.

Мы не ставемъ говорить уже о тѣхъ училищахъ, которыя допущены начальствомъ, но не даютъ въ нихъ учащимся никакого права по образованію, потому что эти училища носятъ характеръ частныхъ элементарныхъ заведеній и не претендуютъ на сформированную школу. Посмотримъ, какъ поставлены тѣ училища, которыя живутъ и дѣйствуютъ по новому уставу, Высочайше утвержденному 20-го сентября 1868 года; посмотримъ прежде всего на то, какъ въ училищахъ предполагаемыя цѣли достигаются со стороны штата начальствующихъ и учащихся.

Пробѣгая отчеты епархіальныхъ женскихъ училищъ и приглядываясь къ спискамъ служащихъ, составляющихъ корпорацію администраціи и учащихся, невольно приходишь къ той мысли, что далеко еще то время, когда на дѣйствительную службу въ епархіальныя училища будутъ привлечены желательныя правительственной власти лица по „возможности“ съ высшимъ образованіемъ, какъ болѣе соответствующія предполагаемымъ цѣлямъ. Штатный окладъ жалованья преподавателямъ по уставу положенъ въ 35 р. за годовую урокъ;

по росписанію въ недѣлю уроковъ положено 18¹⁾ и 22 въ крайнемъ случаѣ, слѣдовательно годовое жалованье равняется 630 р. или въ крайнемъ случаѣ 770 р. Кто же съ высшимъ образованіемъ пожелаетъ служить въ училищѣ за такое жалованье, не рискуя умереть голодною смертью? Онъ въ семинаріи за 700 р. годоваго жалованія будетъ давать только 12 уроковъ въ недѣлю, а не 22, да въ добавокъ будетъ состоять на службѣ, доставляющей ему права на пенсію. Положимъ, что въ нѣкоторыхъ училищахъ нынѣ оплачивается урокъ болѣе возвышеннымъ окладомъ: въ Кавказскомъ училищѣ годовая урокъ стоитъ 40 р.²⁾, Екатеринославскомъ³⁾, Саратовскомъ—50 р.⁴⁾, въ Тамбовскомъ для преподавателей съ семинарскимъ образованіемъ—35 р., а съ академическимъ 45 р.⁵⁾, Петербургскомъ⁶⁾, Одесскомъ—въ низшихъ классахъ 50, а въ высшихъ 60 р.⁷⁾, въ Харьковскомъ—въ высшихъ классахъ 50 руб., а въ высшихъ 75 руб.⁸⁾. За чтеніе сочиненій полагается въ нѣкоторыхъ училищахъ особое вознагражденіе, а особенно наставникамъ русскаго языка, включая сюда главн. образомъ словесность, такъ какъ по этому предмету бываетъ сочиненій болѣе другихъ. Но что же мы видимъ? Привлекаютъ ли на штатную службу училища и такая, по видимому, весьма заманчивая оплата педагогическаго труда людей съ высшимъ образованіемъ? Изъ отчетовъ этого совершенно не видно. По отчетамъ выставляется съ особенною силою на видъ то даже обстоятельство, что въ ряду преподавателей большинство де было съ высшимъ образованіемъ, академическимъ или университетскимъ по состоящихъ на службѣ или при семинаріяхъ, или академіяхъ, университетахъ и др. При томъ и этимъ-то могло похвалиться только самое ограниченное число училищъ, а именно: Петербургское, Саратовское, Кишиневское, Кавказское, Симбирское и нѣкоторыя другія. Въ иныхъ отчетахъ не стѣсняются высказывать нѣкоторыя отступленія отъ устава и объяснять эти отступленія какъ уважительнѣйшею къ тому причиною, желаніемъ доставить возможность челоѣку съ высшимъ образованіемъ совмѣщать уроки въ училищѣ съ его уроками въ сво-

1) Уст. Епарх. Ж. Учил. 1868 г. §

2) Кавказ. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 2-й и 3-й.

3) Екатеринослав. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 1-й.

4) Сарат. Епарх. Вѣдом. 1880 г.

5) Тамб. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 2-й.

6) Церковн. Вѣдом.—1880 г. № 1-й.

7) Херсон. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 2-й.

8) Извлеч. изъ отчет. Оберъ-Прокурора за 1878 г.

емъ заведеніи; такъ напр. это дѣлается въ отчетѣ Екатеринославскаго ¹⁾ и Вятскаго ²⁾ училищъ: первое допустило въ день до 5-ти уроковъ вмѣсто 3-хъ, а второе устроило по расписанію между уроками такой промежутокъ времени, чтобы учителя семинаріи успѣвали хотя „налетомъ“ побывать на классахъ въ училищѣ, отстоящемъ отъ семинаріи версты на 3.

Необходимость приноровляться при составленіи росписанія къ свободному времени приглашаемыхъ наставниковъ отъ занятій ихъ на прямой службѣ составляетъ общій плачъ всѣхъ училищъ. Эту необходимость часто считаютъ причиною ненормальности въ классныхъ занятіяхъ, а иногда и малоуспѣшности воспитанницъ. Такимъ образомъ и возвышеніе окладовъ жалованья не привлекло желательныхъ лицъ на дѣйствительную службу въ училища; оно послужило поа только къ тому, что образовались корпораціи учащихся изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ въ качествѣ не штатныхъ преподавателей. Для настоящаго времени впрочемъ весьма достаточно и этого. Благодаря такому составу и при нѣкоторыхъ затрудненіяхъ учебное (воспитательное) дѣло ставится, какъ замѣтно по отчетамъ, очень серьезно: наставники усердно посѣщаютъ классы, вырабатываютъ подробныя и обстоятельныя программы, своевременно проходятъ ихъ, участвуютъ съ пользою на общихъ собраніяхъ и старательно прочитываютъ сочиненія воспитанницъ ³⁾.

Со временемъ, конечно, и епархіальныя училища заручатся своимъ штатомъ преподавателей по примѣру семинарій и училищъ, но это будетъ именно тогда, когда всѣ мужскія духовныя училища наполнятся людьми съ высшимъ образованіемъ, когда будетъ значительный излишекъ оканчивающихъ курсъ въ академіяхъ; или и прежде, но всетаки не ранѣе того, когда службу въ женскихъ училищахъ и по пенсіи и по обезпеченію сравниваютъ съ семинаріями и училищами мужскими. Въ настоящее же время великое большинство Епархіальныхъ училищъ, по недостатку людей съ высшимъ образованіемъ, не можетъ даже заручиться согласно § 48 устава инспекторами классовъ. По уставу инспекторъ классовъ долженъ быть съ ученою степенью магистра или кандидата Богословія и состоять законоучителемъ въ заведеніи (§§ 48 и 49). Что же мы видимъ въ дѣйствительности по отчетамъ? Нечего

и говорить, что въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ не дѣйствуетъ новый уставъ, законоучителями—инспекторами состоятъ люди съ семинарскимъ образованіемъ; но даже и преобразованныя по новому уставу училища не всѣ имѣютъ у себя на инспектурѣ требуемыя § 48-мъ устава лица. Чѣмъ же это объясняется? Да опять тѣмъ же, что служба въ училищѣ не даетъ права на пенсію, потому тѣмъ, что должность инспектора ставитъ кандидатовъ на нее въ необходимость принимать санъ священства, а при всемъ томъ еще и тѣмъ, что положеніе инспектора со стороны обезпеченія его и со стороны установившихся практикой отношеній къ начальницѣ и къ членамъ совѣта отъ духовенства крайне не устойчиво. Поэтому тотъ только въ настоящее время и пожелаетъ изъ получившихъ академическое образованіе поступить на должность инспектора классовъ, кто потерпѣлъ неудачи на другихъ должностяхъ, кто дошелъ до безразличія въ положеніи, кто выслужилъ уже срокъ пенсіи и хочетъ остатокъ своихъ старческихъ силъ посвятить воспитанію дѣвочекъ при болѣе или менѣе обезпеченномъ вознагражденіи за трудъ и кто до нѣкоторой степени чувствуетъ свое призваніе къ этой именно, а не другой какой службѣ. Но послѣдняго рода людей нынѣ очень мало, а перваго, втораго и третьяго рода люди едва-ли желательны въ заведеніяхъ, которыя требуютъ особенныхъ заботъ, уелій и энергіи, какъ заведенія еще не оформившіяся и не установившіяся.

По отчетамъ видно, что инспекторами классовъ состоятъ лица съ академическимъ образованіемъ: въ Одесскомъ въ послѣднее время и въ Екатеринославскомъ; въ остальныхъ училищахъ хотя и съ академическимъ образованіемъ, но состоятъ исправляющими только должность инспектора классовъ какъ напр., въ Петербургскомъ, Симбирскомъ, Самарскомъ, Саратовскомъ, Орловскомъ, Кишиневскомъ, Тамбовскомъ, Тульчинскомъ и др. Въ виду того, что въ уставѣ прямо не высказано, чтобы инспекторъ классовъ былъ непременно священникомъ и въ виду того, что нѣтъ желающихъ съ академическимъ образованіемъ занимать мѣста инспекторовъ и законоучителей,—во многихъ училищахъ допущены къ исправленію должности инспектора классовъ даже свѣтскіе люди, только непременно съ академическимъ образованіемъ, такъ напр.: въ Тамбовскомъ, Орловскомъ, Самарскомъ и Саратовскомъ съ 18⁷⁹/80 уч. года.

Въ большей части училищъ составъ преподавателей сформированъ изъ лицъ съ семинарскимъ образованіемъ,

¹⁾ Екатеринослав. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 1-й.

²⁾ Педагогич. хроника 1880 года № 3-й.

³⁾ Сарат. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 6.

а особенно въ тѣхъ училищахъ, которыя не находятъ въ городѣ съ семинаріей или другимъ какимъ высшимъ или среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Во многихъ же училищахъ преподаютъ учебные предметы, а въ особенности въ младшихъ классахъ, дѣвушки, получившія среднее образованіе въ гимназіяхъ, институтахъ и въ тѣхъ же епархіальныхъ училищахъ, что, конечно, ни мало не противно уставу (§54 примѣч.); такъ напр. въ Одесскомъ училищѣ учащими состоятъ на половину дѣвушки. Сколько можно судить опять таки по отчетамъ и частію по наблюденію занятія дѣвушекъ—педагоговъ исполнѣ удовлетворены. И намъ кажется, что составъ служащихъ изъ дѣвушекъ въ епархіальныхъ училищахъ, а въ особенности въ высшихъ классахъ, долженъ быть до нѣкоторой степени и до поры—до времени желательнымъ: а) потому, что наставницы занимаютъ не менѣе старательно и успѣшно, чѣмъ наставники; б) потому, что благодаря имъ пріобрѣтается почти наличный, свой штатъ служащихъ и не доведется составлять росписаніе иногда вопреки прямымъ требованіямъ со временной педагогикі; в) потому, что въ случаѣ болѣзни одного учащаго лица его уроки легко предоставитъ другому лицу подъ условіемъ возврата этихъ часовъ заболѣвшему по его выздоровленіи. Вдобавокъ, г) и педагогическій трудъ дѣвушекъ—преподавателей оплачивается ниже, чѣмъ трудъ учащихся мужскаго персонала, а слѣд. для заведенія это гораздо практичнѣе.. На сколько это будетъ справедливо—оплачивать различно одинъ и тотъ же трудъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи—это вопросъ будущаго, а мы говоримъ о настоящемъ.

Что касается членовъ совѣта отъ духовенства, то они выбираются съѣздомъ духовенства изъ людей болѣе опытныхъ и передовыхъ въ средѣ градскихъ священниковъ безъ отношенія къ ихъ образованію. Для насъ интересно отмѣтить тотъ фактъ, какъ они относятся къ заведенію, членами совѣта котораго они состоятъ. Въ одномъ отчетѣ о нихъ замѣчается такъ: *) „члены училищнаго совѣта отъ духовенства относились къ ходу учебно-воспитательнаго дѣла съ полнымъ участіемъ.“ Эта незначительная сама по себѣ замѣтка указываетъ на ту вѣроятную возможность, что эти члены съ одной стороны не въ примѣръ другимъ были живыми дѣятелями въ интересахъ заведенія, а съ другой—такою аттестацію какъ будто они и другіе ихъ пріемники призываются къ теплomu участию, а не стоять по отноше-

*) Подольск. Епарх. Вѣд. № 3, 6 1880 г.

нію къ училищу такъ же далеко, какъ въ дѣйствительности стоятъ иногда члены отъ духовенства по отношенію къ семинаріи и мужскимъ училищамъ. Между тѣмъ въ другихъ училищахъ эти же члены съ тѣми же представленными имъ уставомъ правами до того близко стали къ училищу, что присволяютъ себѣ права не посредственныхъ начальниковъ по всѣмъ частямъ: они не ограничиваются правомъ обсужденія вопросовъ на совѣтѣ, а и сами исполняютъ ихъ, или дѣлаютъ распоряженія объ исполненіи того, о чемъ на совѣтѣ не было обсужденія и постановленія. Если не хорошо, когда члены отъ духовенства слишкомъ холодно, опатично относятся къ интересамъ училища, то кажется, не менѣе вредно для заведенія и превышеніе ими своихъ правъ: тамъ слишкомъ много ввѣрнется начальницѣ, которая можетъ злоупотреблять единоличнымъ управленіемъ; здѣсь слишкомъ явно понижаются всякія права начальницы, предоставленныя ей уставомъ (V глава) и вводится многоначаліе, отъ котораго одно распоряженіе часть стоитъ въ противорѣчій съ другимъ....

Намъ остается еще бросить взглядъ на составъ учащихся и на состояніе учебно-воспитательной части въ училищахъ вообще. Судя по составу преподавателей, находящихся въ полной зависимости отъ матеріальной обеспеченности заведенія, легко догадаться, что изъ различныхъ училищъ, хотя бы то и другое называлось „епархіальнымъ“ и дѣйствовало по тому же уставу 1868 года, выходятъ воспитанницы не одинаково умственно и нравственно развитыми и подготовленными къ самостоятельной жизни. Тамъ гдѣ средства училища лучше и учебная сторона стоитъ выше. Въ нѣкоторыхъ училищахъ общеобразовательный курсъ воспитанницъ специализируется примѣнительно къ тѣмъ правамъ, которыя онѣ получаютъ по окончаніи курса въ силу § 111 устава; въ Кавказскомъ училищѣ, напр., устроится даже VII дополнительный, спеціально педагогическій классъ; о такомъ же классѣ предъ вышею властію хлопотало и Тульское епархіальное училище. *) Тогда какъ воспитанницы Петербургскаго, Самарскаго и Симбирскаго училищъ практикуются въ преподаваніи предметовъ элементарной школы по воскресеньямъ въ такъ называемыхъ „воскресныхъ школахъ,“ открытыхъ при этихъ училищахъ, Саратовское училище хотя не имѣетъ педагогическаго класса и не хлопочетъ о немъ и никогда не будетъ имѣть для практики воспитанницъ „воскресной школы“

*) Харьковскіе Епарх. Вѣд. 1880 г. № 3.

но за то оно имѣетъ при себѣ пріютъ для дѣтей духовнаго званія, по уставу котораго воспитанницы епар. училища старшаго класса допускаются до практическихъ занятій съ дѣтьми подъ руководствомъ преподавателя педагогики. *) Существенная выгода на сторонѣ Саратовскаго училища сравнительно съ училищами при которыхъ открыта „воскресная школа“ та, что воспитанницы его не по воскресеньямъ, а почти ежедневно практикуются въ преподаваніи предметовъ въ объемѣ курса народной школы.

По рассмотреннымъ нами отчетамъ видно, что составъ учащихся въ епарх. училищахъ самый разнокалиберный, такъ какъ по уставу двери заведения открыты для лицъ всѣхъ состояній и сословій, желающихъ получить образованіе (§ 101): тутъ есть обучающіеся изъ дворянскаго, купческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго сословія; но преимущественное большинство составляютъ дѣти духовныхъ родителей. И въ томъ же уставѣ говорится, что при конкуренціи на поступленіе въ училище начальство должно предпочесть духовную предъ свѣтской. Родители свѣтскіе въ послѣднее время болѣе и болѣе домогаются включить своихъ дѣтей въ училище. Побужденіями къ этому наплыву въ епар. училища свѣтскихъ лицъ служатъ отчасти мизерные взносы за право обученія, а главнѣе всего то, что въ училищѣ скорѣе достигаются практическія цѣли воспитанія. Чтобы быть дѣвушкой домашней или сельской учительницей, ей нужно въ гимназій учиться не менѣе 8-ми лѣтъ съ дополнительнымъ классомъ при гимназій, а гдѣ дополнительнаго класса нѣтъ, тамъ ей необходимо выдержать еще экзаменъ на званіе учительницы при классической реальной гимназій, — что иногда достается не такъ-то легко. — Ничего подобнаго не требуется для кончившей шестилѣтній курсъ (вмѣсто 8-ми) въ епарх. училищѣ, п. ч. по § 111 устава — она получаетъ право на званіе домашней учительницы тѣхъ предметовъ, въ коихъ оказала хорошіе успѣхи. Правда иногда одна сестра какого-нибудь мѣшкаго чиновника, учащаяся въ гимназій и считаетъ свою другую сестру начавшую учиться въ училищѣ во одно время съ первою, „лицею духомъ“ съ чѣмъ послѣдняя иногда и соглашается, когда безпристрастно сравниваетъ свое скороспѣшное образованіе съ гимназическимъ, — тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ ей начать трудовую, практическую жизнь и жить своимъ заработкомъ въ теченіи того времени, когда гимназистка слѣдуетъ еще учиться.

*) Саратов. Еп. Вѣд. № 8 1880 г. уст. пріюта § 24.

ся и доучиваться до тѣхъ же правъ. Побужденіемъ для свѣтскихъ родителей отдавать дѣтей своихъ въ училище служить и то, что здѣсь бываетъ больше шансовъ на скорое и полное окончаніе курса, чѣмъ въ гимназій или другомъ какомъ заведеніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ отчетахъ подъ рубрикою „учебно-воспитательная часть“ вниманіе невольно останавливается на томъ общемъ при всѣхъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ явленіи, что успѣхи вездѣ оказываются удовлетворительными, при всѣхъ иногда препятствіяхъ учебному дѣлу; мало допускается исключеній изъ заведения за малоуспѣшность, а тѣмъ болѣе за неодобрительное поведеніе. Дѣйствительно-ли всѣ воспитанницы епархіальныхъ училищъ отъ природы одарены прекрасными умственными способностями и прекрасно учатся, или имъ даются большія послабленія? Послѣднее предположеніе, конечно, болѣе вѣроятно въ виду невозможности предположенія перваго, а потомъ въ виду очевиднаго факта что неуспѣвающимъ въ училищахъ дается всевозможная переэкзаменовка: и до вакаціи, и послѣ вакаціи, дается переэкзаменовка и по одному и по двумъ, а иногда и по тремъ предметамъ; вслѣдствіе всего этого оставляется по малоуспѣшности въ томъ же классѣ на повторительный годъ самый незначительный процентъ и то только въ высшихъ классахъ. Въ Пензенскомъ отчетѣ прямо заявляется о томъ, чѣмъ объясняются хорошіе успѣхи учащихся; „нынѣ — де — съ преобразованиемъ училища въ шестиклассное съ годичнымъ курсомъ — начатству представляется возможнымъ оставлять нѣкоторыхъ воспитанницъ на повторительный годъ въ томъ же классѣ за малоуспѣшность, чего де не допускалось въ годы предыдущіе во вниманіе къ тому, дабы дѣвочки не пришлось сидѣть въ одномъ классѣ цѣлые 4 года.“ *) Затѣмъ въ отчетѣ Саратов. училища за 187⁷/₈ годъ приводится какъ необыкновенный случай въ теченіи десятилѣтняго періода существованія заведения, что одна дѣвочка уволена изъ училища. **)

Т. о. все это указываетъ на то, что епархіальныя училища въ учебномъ отношеніи далеко еще не сформировались въ учебное заведеніе, гдѣ такія основанія оцѣнки успѣховъ и поведенія, какъ „не прилично“, „не ловко“, „не принято“ не должны имѣть никакого значенія и приложенія. Очевидно, что при такомъ положеніи вещей почти всѣ представленныя въ училищѣ дѣвочки такъ или иначе непременно оканчиваютъ курсъ

*) Пензенск. Еп. Вѣд. 1880 г. № 2 и 3.

**) Саратов. Епарх. Вѣд. 1880 г. № 10.

и иногда недоразвившимися, недоучившимися дѣвушками выходятъ изъ училищъ съ установленными дипломами (§ 88 устава), но безъ надлежащаго формальнаго образованія и фактическихъ свѣдѣній.

По нашему крайнему разумѣнію повысить уровень умственнаго развитія окончивающихъ курсъ воспитанницъ епархіальныхъ училищъ можно тройко или открыть VII-й дополнительный классъ съ годичнымъ курсомъ, въ которомъ давалась бы спеціальная подготовка къ педагогической дѣятельности (классъ профессиональный), или открыть приготовительный классъ, гдѣ такового не имѣется, чтобы можно было имѣть болѣе подготовительныхъ воспитанницъ въ первомъ классѣ, или наконецъ учредить при училищахъ чисто ремесленные классы, куда поступали бы тѣ дѣвочки изъ епархіальныхъ училищъ, которыя оказываютъ плохія успѣхи въ изученіи наукъ и не подаютъ надеждъ по своимъ способностямъ на будущіе успѣхи... (классы практическіе). Профессиональный классъ служилъ бы завершеніемъ образованія, приготовительный классъ уравнивалъ бы знанія всѣхъ дѣвочекъ, имѣющихъ поступить въ первый классъ, а практическіе классы дали бы возможность освобождаться училищамъ отъ неспособныхъ къ ученію, тормозящихъ иногда учебное дѣло, а вмѣстѣ эти классы и неспособныхъ къ ученію готовили бы къ жизни въ другой только сферѣ дѣятельности....

В. П—скій.

Къ свѣдѣнію Саратовскому Епархіальному духовенству.

Въ 1879/80 учебномъ году, въ Саратовскомъ Александровскомъ ремесленномъ училищѣ обучалось 14 пансіонеровъ духовенства, въ томъ числѣ изъ округовъ: Балашовскаго 4, Камышинскаго 4, Саратовскаго 3, Вольскаго 2, Петровскаго 1.

Съ будущаго учебнаго года вновь могутъ поступить въ Александровское училищѣ изъ округовъ: Петровскаго 4, Вольскаго 3, Саратовскаго 3 (такъ какъ одинъ изъ теперь обучающихся окончиваетъ курсъ). Камы-

шинскаго 2 (такъ какъ одинъ окончиваетъ курсъ) и Балашовскаго 1.

Въ училище принимаются дѣти *не моложе* 13-ти лѣтъ съ познаніями окончившаго курсъ училищъ IV разряда. Изъ духовныхъ училищъ съ болѣею вѣроятностію могутъ поступать въ 1-й классъ Александровскаго изъ 3-го класса (окончившее курсъ во 2 классѣ) духовнаго.

О.о. благочинные и настоятели церквей, а также о.о. члены правленій отъ духовенства приглашаются направить на этотъ путь извѣстныхъ имъ и нуждающихся въ томъ дѣтей.

Прошенія о принятіи въ Александровское училище на счетъ духовенства должны подаваться членамъ правленія отъ духовенства въ теченіе Іюля, а избранные о.о. членами въ кандидаты на поступленіе должны явиться въ Саратовъ не позже 12-го Августа.

Священникъ *Левъ Владыкинъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству и отчетности мѣстъ и властей вѣдомства Святѣйшаго Синода

составленный Помощникомъ Управляющаго Контролемъ при Св. Синодѣ Алексѣевымъ.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Главные склады: въ Москвѣ въ Синодальной типографіи на Никольской улицѣ, и въ С.-Петербургѣ у издателя Николая Алексѣевича Алексѣева въ контролѣ при Св. Синодѣ.

Требования г. иногороднихъ исполняются немедленно	<p>НАСТОЯЩАЯ РИЖСКАЯ</p> <p>КОЛЕСНАЯ МАЗЬ</p> <p>за которой покорнѣйше прошу обращаться въ Магазинъ Аптекарьскихъ товаровъ</p> <p>АЛЕКСАНДРА КОНДРАТЬЕВИЧА ШТАФЪ</p> <p>(Московская улица, собств. домъ).</p>	денно какъ будетъ писано отправить, пред-
---	--	---

Редакторъ **И. Ковалевскій.**

Дозволено цензурою. Цензоръ Прот. **В. Лаврскій.** Саратовъ, 31 мая 1880 года.

Типографія **И. С. Кувардина** и Комп.